

М. А. Клинова, А. В. Трофимов
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ САТИРА И ЮМОР
 В АРСЕНАЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» 1946–1953 гг.**

doi: 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-108-115

УДК 94(470)“3633” ББК 63.3

В статье на основе анализа материалов журнала «Крокодил» (1946–1953 гг.), посвященных проблематике «холодной войны», и текстов послевоенных анекдотов по данной тематике авторы попытались реконструировать образ внешнего врага посредством выявления специфики визуальных, стилистических и лексических инструментов. Они применяются в официальном (сатирическом) и неофициальном (анекдотическом) дискурсах. В мобилизационном советском послевоенном социуме официальный дискурс опирался на ясные и четкие дихотомии: война — мир, свой — чужой, враг — друг. Официальная риторика имела разнообразные формы реализации: карикатуры, фельетоны, стихи и пр. Она отличалась широким использованием различных стилистических средств: метафор, гипербол, аналогий, сарказма и пр. Официальный дискурс был направлен на решение пропагандистских и мобилизационных задач, таких как повышение бдительности населения, стимуляция трудовой активности. В анекдотическом пространстве демаркационная линия в системе «хороший — плохой» не обязательно соответствовала официальной линии советской политической риторики: иногда практика высмеивания сводилась к обнулению статуса политического явления или работника путем его примитивизации. В целом, официальная мобилизационная риторика советского сатирического дискурса компенсировалась анекдотическим дискурсом, представлявшим собой защитную реакцию советского общества, вышедшего из войны и стремившегося избежать мобилизационных вызовов, исходящих из политической сферы СССР.

Ключевые слова: «холодная война», пропаганда, юмор, сатира, 1946–1953 гг., анекдот, журнал «Крокодил»

В контексте «холодной войны», понимаемой как геополитическое, идеологическое, экономическое, психологическое противостояние «двух миров», достаточно важными инструментами формальной и неформальной коммуникации являлись политическая сатира и юмор.

В годы «холодной войны» на советский политический дискурс оказывала воздействие атмосфера конфликтности, являвшаяся следствием международной напряженности второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. Политическая риторика изобиловала экспрессивными коннотациями, выражающими негативную оценку «чужого». Язык является незаметным, но очень сильным видом оружия. Не случайно именно военные метафоры характеризовали политический дискурс, а коммуникативные действия описывались в терминах

стратегий и тактик. Так, В. З. Демьянков считал: «...Политический дискурс, чтобы быть эффективным, должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий».¹ Власть формировала у населения определенные стереотипы восприятия внешнеполитических «чужих». При этом, по справедливому замечанию В. И. Шаховского, наряду был важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным.² Для усиления «эмоционального эффекта» языкового воздействия в официальной риторике использовались такие инструменты, как метафора, сатира, сарказм, ирония и т. п. С их помощью происходило конструирование триады «свой — чужой — другой», строилась модель советской внешнеполитической пропаганды.

Важную роль в арсенале политической сатиры играла карикатура. Исследователи обращают внимание на двойственность советских карикатурных сюжетов. С одной стороны, карикатура отличалась особой емкостью образа, явной эмоциональностью (с ироническим или саркастическим оттенком) и абсолютной

Клинова Марина Александровна — к.и.н., доцент кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Трофимов Андрей Владимирович — д.и.н., профессор кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: 2519612@rambler.ru

¹ Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 2002. № 3. С. 41.

² См.: Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008. С. 265.

идеологизованностью. С другой стороны, карикатура выступала как часть повседневности, которая не всегда воспринимается людьми как пропаганда, поскольку выступает порой под маской развлечения. Но из-за своей распространенности и особенностей восприятия зрителем карикатура запоминалась, оставляя отпечаток на распространенных в социуме образах и стереотипах.³ Известный советский карикатурист Б. Е. Ефимов отмечает специфику образности карикатуры: «Образная форма карикатуры понятнее, эмоциональнее и, главное, нагляднее любой литературной формы, так как сатирический рисунок конкретизирует явления и ситуации, приближает их к глазу читателя, переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов».⁴

Попытаемся реконструировать образ внешнего врага на основе анализа материалов журнала «Крокодил» (1946–1953 гг.), посвященных проблематике «холодной войны», и текстов послевоенных анекдотов по данной тематике. Посредством изучения визуальных, стилистических и лексических инструментов, применяемых в официальном и неофициальном советском дискурсах, проведем сравнительный анализ сюжетных коннотаций «холодной войны» в различных источниках. В ходе исследования авторы исходили из принципов системности и историзма, опираясь на достижения в области имагологии, применяя методы структурно-функционального анализа.

Выбранные источники — журнал «Крокодил» и советские политические анекдоты — различаются по параметрам: мотивам создания, количественным характеристикам, особенностям функционирования в социокультурной среде. Сравнение двух видов дискурса, официального и неофициального, связано с существованием двух сторон общественной жизни. Официальный дискурс опирался на ясные, четкие дихотомии: война — мир, свой — чужой, враг — друг: они могут быть выражены средствами пропаганды и агитации, в частности политической сатирой и юмором. Неформальный дискурс фактически был разделен на две части. Одна его составляющая — антисоветская — была феноменом идейно-психологиче-

ского противоборства двух систем, а вторая — реактивная — трактовала реалии «холодной войны» бытовым языком. Специфика анекдотов определялась лаконичным стилем повествования, репрезентацией общественных настроений, реакцией на официальную пропаганду (искажение, отторжение).

Для обработки материалов журнала «Крокодил» (1946–1953 гг.) использовался количественный, а также качественный анализ визуальных и текстовых сюжетов, позволяющий учесть содержательный контекст и специфику презентации образов «внешних врагов» СССР.

Сюжеты, посвященные тематике «холодной войны», являлись достаточно востребованными на страницах «Крокодила» в 1946–1953 гг. Их количество варьировалось от 10 до 90 % от общего количества публикаций в одном выпуске (в период с 1946 по 1948 гг. объем журнала составлял 12 стр.). В 1946–1947 гг. среднее количество данных сюжетов составляло 10–20 %, возрастая в 1948 г. до 30–35 % от общего объема номера. С 1949 г. «Крокодил» выходил объемом 16 стр., вместе с тем, число сюжетов, посвященных внешнеполитической проблематике, увеличилось до 40–45 %. В 1950–1951 гг. фиксируется максимальный объем публикаций по данной теме — 50–60 % от общего объема одного номера (некоторые номера были полностью посвящены теме «холодной войны» («Крокодил», 1950. № 25)). В 1952–1953 гг. количество таких сюжетов снижается до 25–35 %.

Фронтальный анализ контента журнала «Крокодил» за 1946–1953 гг. позволил выявить типологический ряд вербально-визуальных образов-клише, имеющих отношение к «холодной войне». В понятийно-событийный ряд входили такие образы, как: агрессор, база, блок НАТО, атомная бомба, гонка вооружений, железный занавес, поджигатели войны, мировое господство, позиция силы, ястребы НАТО и др. Каждый из этих образов имел легко узнаваемые черты и символы.

Война в «Крокодиле» — это источник смерти и разрушений. В карикатурах и рисунках она изображается аналогично смерти — в виде женского или мужского скелета с косою в руках. Богу войны молятся империалисты и оружейные магнаты. Они провоцируют войны во имя наживы, а для простых людей война означает голод и лишения. Редкое употребление самого термина «холодная война» на страницах «Крокодила» до середины 1950-х гг.

³ См.: Голубев А. В. Чемберлен, Гитлер и другие: образы врагов в советской карикатуре 1922–1939 годов // Россия и современный мир. 2008. № 1 (58). С. 170–172.

⁴ Ефимов Б. Е. Сорок лет. Записки художника-сатирика. М., 1961. С. 90.

объясняется, как его «враждебным» происхождением, так и растворением в привычных для советского политического дискурса понятиях (агрессор, поджигатели войны, гонка вооружений и др.). Для образов агрессора характерны: дегенеративные черты, преклонный возраст, злобные лица, крючковатые носы, скелетообразная худоба, намекающая на смерть с косой.

Гонка вооружений на страницах журнала была представлена гиперболизированными образами гор пушек и цифр с большим количеством нолей. Подпись под рисунком, изображающим бизнесмена, сидящего за письменным столом на фоне графиков прибылей оружейных заводов, гласит: «Чарлз Атомсон (знаменитый пушечный фабрикант) — занял первое место по гонке вооружений».⁵ От этой гонки беднеет американский рабочий, который даже с ребенком гуляет в спецодежде и не в состоянии купить сыну игрушечный танк. Зато лоснятся от злорадства и богатства капиталисты и генералы.

Образ НАТО состоит из нескольких элементов: 1) это орудие подчинения народов Европы со стороны США; 2) блок разрывает внутренние противоречия; 3) блок — духовный и политический наследник нацистской Германии; 4) им руководят злобные и крючконосые лица в темных очках, мундирах, шляпах и фраках (см. цв. вклейку, рис. 1). Важнейшим инструментом НАТО являются военные базы. «Раскрой газетный лист — и сразу увидишь: янки строят базу. / Исландцы плачут: “Остров сбазили! Где мы! На рынке ли? В лабазе ли?” / У дяди Сэма жадный глаз: он хочет очень много баз! / Быть может, для гастролей джаза ему нужна в Аляске база? / Зачем такое многобазие? Намаз творить аллаху в Азии? / А может, нужно столько баз для наблюдения лунных фаз? / Увы! Не постигает разум столь жадного стремленья к базам! /... / »⁶ (рис. 2).

Почти ко всем западным политикам в послевоенный период применялось клише — поджигатели войны. Они скрывают свою агрессивную сущность, любят говорить о мире и демократии, владеют горами золота и оружия, тогда как простой народ имеет лишь голод и холод: «В Англии нет топлива, потому что в Англии есть поджигатели».⁷ Поджигателям войны противостоит возникшее в 1949–

1950 гг. Движение сторонников мира. Образ сторонников мира: они организованы, ходят строем, кулаки людей разных рас и профессий всегда сжаты, зубы стиснуты, спины прямые.

Противостояние в «холодной войне» не могло обойтись без реинтерпретации понятий, сгенерированных идеологическим противником. Западная пропаганда занималась поиском «руки Москвы», а «Крокодил» обнаруживал только руки советских штангистов, музыкантов и ноги футболистов. Тогда как, американская авиация разбрасывает колорадских жуков над колхозными полями («полям злодейская рука несет вредителя-жука»), настоящая же рука Москвы поднимает знамя труда и мира над Кремлем и ее приветствуют народы всего мира.⁸ Широко используемый в западных СМИ термин «железный занавес» советской политической сатирой реинтерпретировался как результат политики США и их союзников, который преодолевается артистами, спортсменами, всеми людьми доброй воли и в результате в середине 1950-х гг. в «Крокодиле» появляется рисунок, на котором западный журналист вынужден был констатировать: «Вчера встречали советских артистов, сегодня советских туристов... Некогда писать о железном занавесе».⁹

Анализ контента советских анекдотов, относящихся к периоду 1946–1953 гг., показал, что используемые в институционализированном дискурсе понятия-клише встречаются в сюжетах анекдотов намного реже и в ином контексте. Так, на вопрос «Будет ли Третья мировая война?», следует иронический ответ: «Нет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется».¹⁰ О сомнениях в миролюбивых планах и в способности СССР использовать атомное оружие свидетельствует анекдот, датируемый 1951 г.: «На заседании Политбюро обсуждается вопрос о немедленном завоевании “капиталистического мира”. Берия предлагает: “У нас есть двенадцать атомных бомб. Надо запаковать их в чемоданы, разослать по главным столицам мира и одновременно взорвать. Во время суматохи занимать нашей армией страну за страной”. Микоян протестует: “План товарища Берия неосуществим. У нас нет столько хороших чемоданов”».¹¹

⁸ Там же. С. 192.

⁹ Крокодил. 1956. № 30. С. 12.

¹⁰ Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., 2014. С. 909.

¹¹ Там же. С. 560.

⁵ Крокодил. 1947. № 1. С. 12.

⁶ Кирсанов С. Базы и фразы // Крокодил. 1947. № 33. С. 3.

⁷ История глазами Крокодила. XX век. Слова. 1938–1956. М., 2015. С. 182.

Участие советских военных в Корейской войне отражает целый ряд анекдотов, например: «В небе Пхеньяна отличились северокорейские летчики Си-ни-цын, Ли-си-цын, Кури-цын, Ту-пи-цын».¹²

Положение простых трудящихся в США, изнемогающих от гонки вооружений иначе выглядит глазами советского командировочного: «Советский коммунист по возвращении из командировки в США докладывал: “В Америке народ доголодался до того, что ест собачье мясо: на улицах в киосках открыто продают горячую собачину”»¹³ (тогда как, Hot dogs, всего лишь название булочки с сосиской).

Персональная визуализация образа врага происходила путем сатирической прорисовки на страницах «Крокодила» фигур политиков и общественных деятелей послевоенного периода. В издании публиковались статьи и карикатуры, героями которых являлись: Черчилль, Даллес, Ачесон, Бевин и пр. С целью выявления частотности упоминания образов этих деятелей в «Крокодиле» был предпринят количественный анализ (см. таблицу). Единицей анализа являлся сюжет. Для обработки материалов «Крокодила» была использована частотная выборка — каждый четвертый номер издания. Выборку составили №№ 1, 5, 9, 13, 17, 21, 25, 29, 33 каждого года в рамках периода 1946–1953 гг. Общее количество вклю-

ченных в выборку материалов «Крокодила» составило семьдесят два выпуска.

Выделенные образы «врагов» СССР характеризовались неравноценной количественной востребованностью. Наиболее популярной фигурой на страницах «Крокодила» являлся «Дядя Сэм» (в ряде сюжетов — «Дядя Сам») — собирательный образ США, представленный высоким представительным мужчиной с седой бородкой, одетым во фрак и цилиндр (расцветка одежды повторяла колористку флага США), черты лица напоминали Трумэна и Эйзенхауэра одновременно (рис. 4). Как правило, образ фигурировал в многочисленных карикатурах на страницах «Крокодила», маркируя участие США в инициировании антисоветской пропаганды, подчинении и ограблении Европы и пр. В текстовых сюжетах и фельетонах издания этот образ фактически не встречался.

Среди образов реальных политических деятелей послевоенного этапа «холодной войны» наибольшей популярностью на страницах «Крокодила» пользовался Черчилль. Его изображение фиксировалось в многочисленных карикатурных сюжетах. Ярлык «поджигатель войны», закрепившийся за Черчиллем в советском информационном континууме, визуально подкреплялся карикатурными зарисовками, где он изображался бегущим с факелом, разжигающим костер и пр. Образ Черчилля,

Таблица

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЮЖЕТОВ В ЖУРНАЛЕ «КРОКОДИЛ» ЗА 1946–1953 ГГ.,
В КОТОРЫХ ФИКСИРУЮТСЯ УПОМИНАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРОВ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
И СОБИРАТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ, КАСАЮЩИХСЯ ПРОБЛЕМАТИКИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Год	Фамилии политиков, общественных деятелей и собирательные образы															
	Аденауэр	Ачесон	Бевин	Даллес	Де Голь	«Дядя Сэм»	Кэннон	Ли Сын Ман	Макартур	Маршалл	Миколайчик	Тито	Трумэн	Херст	Чан Кайши	Черчилль
1946														2		
1947				1		4			1	1	2			3		1
1948			2		1	13				2					1	3
1949			1	1	1	7	2	1	1	2		5	1	1	2	8
1950	1	2	2	1		10		3	2	2	1	3	5	3	1	9
1951		1				7			3	3		3	1	4	1	4
1952	3	1		1		4		1	1	3		1	1	1		2
1953	4					1		4		1				1	1	
Итого	8	4	5	4	2	46	2	9	8	14	3	12	8	15	6	27

¹² Там же. С. 915.

¹³ Там же. С. 920.

как инициатора антисоветской кампании, фигурировал в сатирических текстах «Крокодила» — фельетонах, стихах. Например: «В газетах поутру меня / Встречает рой известий / Про Бенина, про Трумэна / И тех, кто с ними вместе /.../ Еще во рвах и впадинах / Земля войной исчерчена, / А уж грозят ей гадины, / Науськанные Черчиллем! / Насытые итогами: / — Еще, мол, не богаты мы: — / Грозят земле поджогами, / Накапливают атомы».¹⁴ В период 1949–1951 гг. на страницах «Крокодила» увеличивается количество сюжетов, посвященных проблематике «холодной войны» и образу Черчилля. Возрастает и интенсивность антисоветской риторики, «озвучиваемой» Черчиллем на страницах издания. В 1949 г. в выпуске, посвященном Дню Победы, карикатурное изображение Черчилля сопровождает фраза: «Как жаль, что, несмотря на нашу помощь, русские все же победили!»¹⁵ В период 1952–1953 гг. фигура Черчилля теряет востребованность в «Крокодиле», уступая место обезличенному персонажу в котелке, украшенном лентой с флагом Великобритании, символизирующему образ государства.

Достаточно высокой и стабильной востребованностью на страницах издания пользовались образы Трумэна и Маршалла. Характерно, что обращение «Крокодила» к образу Трумэна фиксировалось значительно чаще в текстах издания, а не в карикатурных сюжетах: «Опять поход задуман, / Трубят изда- лека, / Седлает мистер Трумэн / Фашистского конька!»¹⁶ Имя Маршалла, как правило, упоминается в контексте «Плана Маршалла», либо в нарицательной форме — «маршаллизо- ванная Европа».¹⁷

В сатирических зарисовках «Крокодила» нередко фигурировали и фамилии представителей зарубежных медиаструктур: американский медиамагнат У. Херст, турецкий журналист и редактор газеты «Танин» Г. Ялчин и пр. Так, например, утверждение одного из английских министров, что пресса Великобритании занимает первое место в мире по своей продажности, послужило темой для стихотворения: «Что пресса в Англии продажна, / Тому легко найти пример. / Но что на первом месте даже / Она стоит, — навряд ли, сэр! / Пока-

мест есть газеты Херста, / покамест действует Ялчин, — / Еще идет борьба за место / И горячиться нет причин».¹⁸ Сами представители медиасообщества не являлись героями карикатур «Крокодила». В сатирических зарисовках высмеивались статьи представителей зарубежной прессы, в которых ради сенсации публиковались сюжеты, посвященные летающим тарелкам, морским чудовищам, гуляющим по Токио и т. п.,¹⁹ либо заявления антисоветского содержания, призванные напугать жителей капиталистических стран. В качестве примера можно привести сообщение канадского корреспондента Мунро о девятилетних советских мальчиках, проходящих военное обучение. В ответ на это редакция «Крокодила» заметила, что дальнейшее развитие эта «сенсационная новость» получит в сообщениях о том, что «в СССР уже сформированы большие кавалерийские соединения малышей, обучающихся верховой езде на деревянных лошадках, а также о дошкольных мотомехчастях, осваивающих трехколесные велосипеды».²⁰

Образы политических деятелей 1946–1953 гг., с именами которых связаны события начального этапа «холодной войны», характеризовались хронологически неравноценной востребованностью на страницах журнала. Сатирическое обращение «Крокодила» к тем или иным политическим фигурам было детерминировано как популярностью образа (Дядя Сэм, Черчилль), так и событийным контекстом. После ухудшения отношений с Югославией (1949 г.) в журнале появляются карикатуры на Тито. В 1949 г. в «Крокодиле» появляются карикатуры, героем которых являлся «людо- ед» Кэннон.

Специфической особенностью презентации на страницах «Крокодила» образов внешне-политических оппонентов СССР являлось их определение посредством обращения к понятию «фашизм», а также выявление их сходства с фашистскими лидерами периода Второй мировой войны (рис. 3). В одном из выпусков журнала 1946 г. помещена карикатура «Ряд волшебных изменений...», иллюстрирующая процесс «геббельсизации херстовского журналиста в процессе писания очередной статьи»

¹⁴ Сашин Я. Юбилейные размышления // Крокодил. 1948. № 5. С. 3.

¹⁵ Вспоминая День Победы // Крокодил. 1949. № 13. С. 1.

¹⁶ Соловьев В. Продолжение следует... // Крокодил. 1950. № 5. С. 2.

¹⁷ Ганфа Ю. Крик моды // Крокодил. 1950. № 16. С. 8.

¹⁸ Соловьев В. Вместо обзора печати // Крокодил. 1948. № 23. С. 3.

¹⁹ См.: Янко М. «Летающие» тарелки // Крокодил. 1947. № 21. С. 2; Харьков В. Чудовище доктора Кука // Крокодил. 1947. № 17. С. 2.

²⁰ От собственного корреспондента // Крокодил. 1947. № 17. С. 2.

(в серии рисунков представлено как журналист, работающий над текстом, приобретает черты Геббельса).²¹ Профашистскую направленность НАТО иллюстрирует карикатура, изображающая Ад, где висят пустые именные котлы, подписанные: «Гиммлер», «Розенберг», «Кейтель», «Геббельс». «Владелец» котлов «затребовали в Америку в качестве консультантов по проведению в жизнь Атлантического пакта».²² Изображение свастики дополняло карикатурный образ канцлера ФРГ Аденауэра, маркируя, таким образом, политический курс ФРГ.²³

В целом, сатирические сюжеты «Крокодила» 1946–1953 гг., посвященные конструированию образов внешнеполитических оппонентов СССР, отличались высоким уровнем символической милитаризации (посредством изображения ракет, бомб, военной формы, свастики и пр.). Специфика их визуальной презентации была пугающей, выполняя функцию формирования максимально поляризированной и политизированной картины мира. Посредством реконструкции на страницах «Крокодила» образа мира, враждебного в отношении СССР, транслировалась идея о высокой вероятности начала новой войны. Милитаризованная риторика издания выполняла не только пропагандистскую, но и мобилизационную функцию, апеллируя к усилению бдительности граждан: «Пусть и впредь советский воин / Зорко смотрит в оба! / Будем бдительнее вдвое / Против вражьей злобы!»²⁴ Мобилизационная риторика советского сатирического дискурса была направлена и на стимуляцию трудовой активности населения. Обращение к материалам советской прессы послевоенного периода свидетельствует о том, что лексема «труд во имя мира» отличалась высоким уровнем востребованности на страницах советских центральных, региональных и заводских газет конца 1940-х — начала 1950-х гг., фиксируясь как в передовицах и статьях изданий, так и в текстах социалистических обязательств трудящихся.²⁵

С помощью сатиры и карикатур создавались устойчивые образы-ярлыки «врагов»

СССР, которые должны были вызывать неприятие и презрение в силу их выраженного социального уродства и неполноценности. В визуальных образах широко использовался прием приведения зоологических аналогий — «поджигатели войны» изображались с когтями, зубами, либо представляли перед советским читателем в виде пауков, змей, пиявок, блох и пр.²⁶ В карикатурах «Крокодила» применялся и метод символической милитаризации образов внешних врагов — зубы и носы изображались в виде ракет, вместо головы — пушка и пр.²⁷ Вследствие такой изобразительной стилистики «человеческое» частично или полностью купировалось, будучи подчинено милитаризованной хищной сущности «врага». (Важно отметить, что модель сущностного «перерождения» широко использовалась в советской политической пропаганде 1920–1940-х гг., при конструировании образов внутренних и внешних врагов.)²⁸

Обращение к результатам количественного анализа позволяет выявить и общую тенденцию востребованности образов внешнеполитических оппонентов СССР на страницах издания. В рамках периода 1946–1953 гг. наибольшее число упоминаний означенных образов фиксируется в «Крокодиле» в 1949–1951 гг. Хронологическая выраженность сюжетов коррелирует с общим обострением международной ситуации в эти годы — создание НАТО, начало войны в Корее, ухудшение отношений с Югославией, разделение Германии на ГДР и ФРГ и пр. В период 1952–1953 гг. вследствие определенного снижения международной напряженности происходит сокращение количества сюжетов «Крокодила», героями которых являлись конкретные политические деятели антисоветской направленности. Тенденция деперсонализации образа внешнего врага проявилась в возрастании количества сатирических сюжетов, где фигурировали «дельцы с Уолл Стрит», «банкиры», «мистер Доллар» (рис. 5).²⁹ Также в сюжетах внешнеполитической проблематики на страницах «Крокодила» 1952–1953 гг. значительно чаще фигурировали

²¹ Валька Г. Ряд волшебных изменений... // Крокодил. 1946. № 29. С. 2.

²² В Аду // Крокодил. 1949. № 13. С. 6.

²³ См.: Ефимов Б. Брак по расчету... американскому // Крокодил. 1950. № 16. С. 9.

²⁴ Колычев О. Пойманы с поличным // Крокодил. 1952. № 1. С. 11.

²⁵ См.: Самоотверженным трудом крепить дело мира // Кировец. 1951. 18 дек. С. 1; Солнце сияет для нас // Советская Сибирь. 1950. 1 янв. С. 1; Под знаком мира // Советская Сибирь. 1952. 1 янв. С. 1; Во имя мира // Правда. 1953. 16 июня. С. 1.

²⁶ См.: Змеиный питомник // Крокодил. 1952. № 1. С. 16; Васильева В. Коллекция возбудителей // Крокодил. 1952. № 29. С. 8.

²⁷ См.: Кукрыникисы. Атомщики за работой // Крокодил. 1950. № 16. С. 16.

²⁸ См.: Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 16–22.

²⁹ См.: Мистер Доллар пишет // Крокодил. 1953. № 33. С. 2; Феофанов О. Мистер Ульсен в театре // Крокодил. 1952. № 25. С. 10.

жители капиталистических стран — бедные, безработные, протестующие и пр.

Неофициальная линия юмористической презентации внешнеполитических оппонентов СССР раскрывалась в советских анекдотах послевоенного периода. В анекдотических сюжетах фигурировали не все «герои» внешнеполитического дискурса периода. Так, например, ключевая фигура сатирических сюжетов «Крокодила» — дядя Сэм, вообще не был представлен в зафиксированных исследователями анекдотах послевоенных лет.³⁰

В контексте исследуемой тематики наиболее популярной фигурой советских анекдотов являлся Черчилль. В анекдотической презентации образа Черчилля можно проследить определенную динамику, коррелирующую с изменением его статуса в советском внешнеполитическом континууме 1940-х гг. — от «союзника» к «противнику». В анекдотах, датированных исследователями периодом 1944–1945 гг. Черчилль не является объектом юмора, выступая скорее в роли иностранного наблюдателя, замечающего наиболее неприглядные стороны советской жизни, на высмеивании которых и сфокусирован анекдотический сюжет: «Черчилль пишет из Москвы письмо Герберту Уэллсу: “Я побывал в квартире служащего, в квартире рабочего, мне специально показывали, все хорошо. Только странно, что в час пик на улицах много нищих — и все они с портфелями”»;³¹ «На Крымской конференции между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным обсуждался вопрос, какой казни подвергнуть Гитлера. Рузвельт предложил расстрел, Черчилль — виселицу, а Сталин предложил посадить его на русскую иждивенческую продкарточку. После ознакомления, что это за карточка, все пришли к единодушному решению, что более суровой казни не придумать».³²

Изменения во внешнеполитическом дискурсе, произошедшие во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг., скорректировали анекдотический образ Черчилля в советских анекдотах. Образ политика не приобретает устрашающих черт «поджигателя войны». Юмористические коннотации реализуются путем физиологической примитивизации образа: Черчилль голый перед Т. Рузвельтом: «Англии

ничего скрывать».³³ Механизм уменьшения статуса Черчилля находит отражение в анекдоте, где одесский портной берется шить ему костюм из небольшого отреза ткани: «Это там вы фигура, а в Одессе — нет».³⁴ (Важно отметить, что «оголение», как механизм дискредитации политического статуса объекта, достаточно часто фиксировался в анекдотах послевоенного периода. Так, например, в сюжете одного из анекдотов начала 1950-х гг. голый Пик, стоящий перед зеркалом, видит в нем «единственного своего сподвижника»³⁵). В одном из анекдотов начала 1950-х гг. фигурирует Тито: «“Что такое — два Иосифа в одной берлоге?” — “Сталин и Тито в социалистическом лагере”».³⁶

Таким образом, специфика сатирической презентации образов антисоветских политических деятелей начального периода «холодной войны» существенным образом различалась в контексте официальных и неофициальных дискурсивных практик. Официальная институционализируемая сатирическая риторика имела более разнообразные формы реализации — карикатуры, фельетоны, стихи и пр., отличаясь широким использованием различных стилистических средств (метафор, гипербола, аналогий и пр.). Содержательно официальная советская сатира была ориентирована на формирование внешнеполитических представлений населения, конструируемых в русле биполярной системы мира. Данная система определялась антитезой «капитализм — социализм», и маркировалась соответствующими полярными коннотациями. Официальный сатирический дискурс был направлен на решение пропагандистских и мобилизационных задач (повышение бдительности населения, стимуляцию трудовой активности). Милитаризованная риторика, обрисовывающая пугающие перспективы новой войны, не проникает в неофициальный советский сатирический дискурс, представленный анекдотом. В анекдотическом пространстве демаркационная линия в системе «хороший–плохой» не обязательно соответствовала магистральной линии советской политической риторики, а практика высмеивания сводилась к обнулению статуса политической фигуры путем ее физиологической примитивизации. В целом

³⁰ См.: История советской России (1917–1953) в анекдотах. СПб., 2000; Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., 2014.

³¹ Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., 2014. С. 450.

³² Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 68.

³³ Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., 2014. С. 893.

³⁴ Там же. С. 989.

³⁵ Там же. С. 936.

³⁶ Там же. С. 927.

интенсивно артикулируемая мобилизационная риторика официального советского сатирического дискурса компенсировалась анекдотическим юмором, представлявшим собой

защитную реакцию советского общества, вышедшего из войны и стремившегося избежать мобилизационных вызовов, исходящих из политической сферы СССР.

Marina A. Klinova

Candidate of Historical Science, Ural State University of Economics (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *klinowa.m@yandex.ru*

Andrey V. Trofimov

Doctor of Historical Science, Ural State University of Economics (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *2519612@rambler.ru*

POLITICAL SATIRE AND HUMOR IN THE ARSENAL OF THE “COLD WAR”, 1946–1953

Based on an analysis of the materials of the Crocodile magazine (1946–1953) devoted to the problems of the Cold War and texts of post-war anecdotes on this topic, the authors tried to reconstruct the image of an external enemy by identifying the specifics of visual, stylistic and lexical tools. These tools were used in official (satirical) and unofficial (anecdotal) discourses. In the mobilization Soviet post-war society, the official discourse was based on clear and precise dichotomies: war — peace, us — them, foe — friend. The official rhetoric had various forms of realization: caricature, feuilleton, poetry, etc. It was distinguished by the wide use of various stylistic means: metaphors, hyperboles, analogies, sarcasm, etc. The official discourse was aimed at solving propaganda and mobilization tasks, such as increasing the vigilance of the population, stimulation of its labor activity. In the space of an anecdote the demarcation line within the “good — bad” system did not necessarily correspond to the official line of Soviet political rhetoric: sometimes derision practice was reduced to nullifying the status of a political phenomenon or political worker through its primitivization. In general, the official mobilization rhetoric of Soviet satirical discourse was countervailed by anecdotal discourse, which was a defense reaction of Soviet society that emerged from the war and sought to avoid mobilization challenges emanating from the political sphere of the USSR.

Keywords: “Cold War”, *propaganda, humor, satire, 1946–1953, anecdote, Crocodile magazine*

REFERENCES

- Demjankov V. Z. [Political discourse as a subject of political science philology]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2002, no. 3, pp. 31–44. (in Russ.).
- Efimov B. E. *Sorok let. Zapiski khudozhnika-satirika* [Forty years. Satirist artist's notes]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik Publ., 1961, 205 p. (in Russ.).
- Golubev A. V. [Chamberlain, Hitler and Others: Enemy Images in Soviet Cartoons, 1922–1939]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world], 2008, no. 1 (58), pp. 170–187. (in Russ.).
- Istoriya glazami krokodila. XX vek. Slova. 1938–1956 gg.* [History through the eyes of a Crocodile. 20th century. The words. 1938–1956]. Moscow: “XX Senchuri Krokodayl” Publ., 2015, 287 p. (in Russ.).
- Istoriya sovetskoy Rossii (1917–1953) v anekdotakh* [The history of Soviet Russia (1917–1953) in anecdotes]. Saint Petersburg: Nestor Publ., 2000, 108 p. (in Russ.).
- Melnichenko M. Sovetskiy anekdot (Ukazatel' syuzhetov)* [Soviet anecdote (Index of plots)]. Moscow: NLO Publ., 2014, 1104 p. (in Russ.).
- Shakhovskiy V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow: Gnozis Publ., 2008, 416 p. (in Russ.).
- Sovetskaya zhizn'. 1945–1953* [Soviet life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003, 720 p. (in Russ.).
- Weiss D. [Parasites, Carrion and Rubbish. The Image of the Enemy in Soviet Propaganda]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2008, no. 1 (24), pp. 16–22. (in Russ.).

Рис. 1. Ю. Ганфа. Как это было. Торжественное подписание Атлантического пакта. Крокодил. 1949. № 11. С. 7

Рис. 2. Б. Ефимов. Американская заботливость. — Еще немного — и ты сможешь быть совершенно спокоен за свою безопасность! Крокодил. 1951. № 30. С. 16

Рис. 3. Б. Ефимов. Форрестол не одинок. Крокодил. 1949. № 13. С. 8

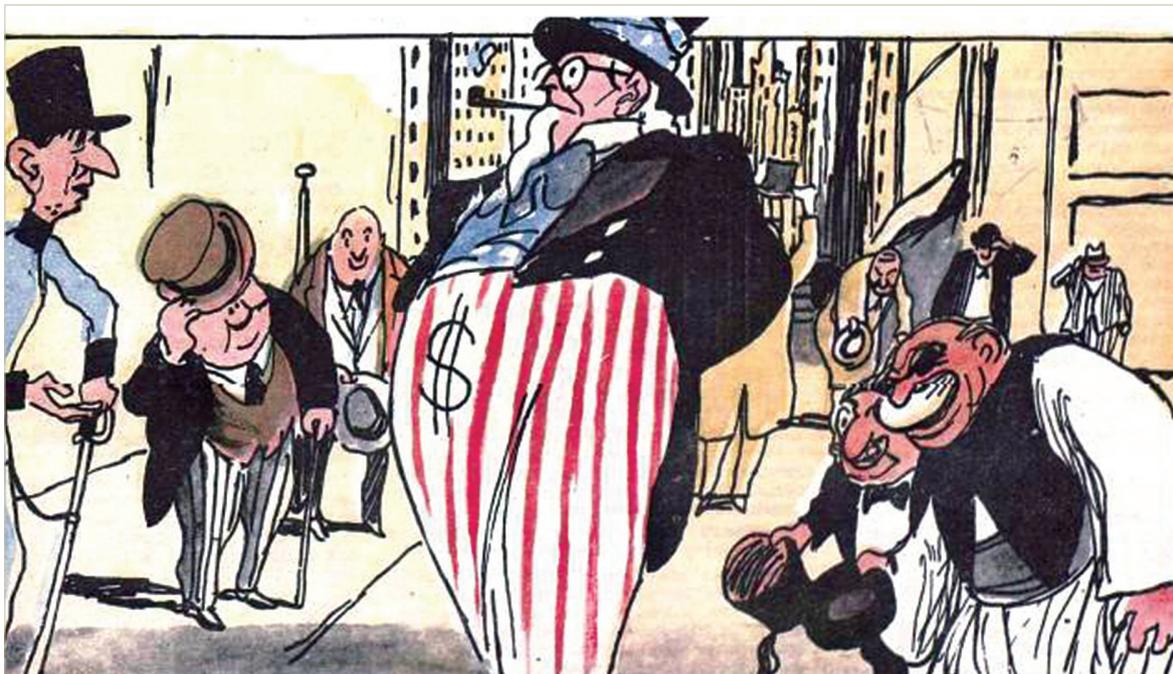

Рис. 4. Л. Бродаты. Из истории культов. Долларопоклонники.
Крокодил. 1947. № 33. С. 3

Рис. 5. И. Семенов. Выходит из себя банкир, когда он слышит: «Миру мир!»
Крокодил. 1950. № 28. С. 8